

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 94(571.54)

Функциональное назначение некоторых обрядов бурят, посвященных всеобщему благополучию и лучшему перерождению

Дарима Санжиевна Жамсуева¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-7442-4744. E-mail.ru: darisan@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Жамсуева Д. С., 2022

Аннотация. Обряды буддистов-мирян в повседневной жизни весьма востребованы и продуктивны, так как культовые обряды, имеющие характер общественного, группового, семейного, индивидуально-бытового значения, на современном этапе отличаются своей жизнеспособностью. Цель исследования заключается в раскрытии наиболее устойчивых семейно-бытовых обрядов бурят, определении их содержания и особенностей. Традиционными методами классификации и систематизации материала выявлены устойчивые и изменчивые признаки, локальные особенности проведения семейно-бытовых обрядов отдельных этнических групп буддистов Бурятии. С использованием метода сравнительно-исторического анализа характеризуются процессы сохранности и трансформации обрядов жизненного цикла. Используемые в статье методы наблюдения, интервью, опроса позволили дать характеристику современному состоянию религиозного сознания буддистов-мирян, выявить определенные изменения в традиционных воззрениях и обычаях бурят под влиянием исторических процессов, повлекших некоторые особенности в отправлении базовых обрядов и ритуалов. Особое внимание в статье уделено возрожденному бытовому обряду *сангарил*. **Результаты.** Полевые исследования показали, что при значительной утрате книжной традиции и отсутствии знатоков буддийских обрядов тибетского происхождения, в культовой практике остается только то, что запомнилось лучше всего без книг, без знатоков, обладающих специальными сведениями, т. е. привычное с давних пор, самое употребительное и не требующее большой богословской квалификации. В этом плане наибольшей устойчивостью в бытовых ритуалах буддистов Бурятии обладают обряды, которые теснее всего связаны с народными обычаями, связанными с удовлетворением хозяйственных и повседневных житейских потребностей, нужд верующих. Иными словами, живет то, что теснее всего связано с обыденной жизнью. Сделан вывод о том, что в общих чертах такие традиционные семейно-бытовые обряды, как *обоо*, *сангарил*, *маани*, похоронно-погребальный ритуал, встреча и проведение новогоднего праздника *сагаалган*, отправление сводных богослужений в честь *сахьюсанов*-покровителей для семейного благополучия, воспринимаются сейчас как народные обычаи и расцениваются как органический признак исконно бурятской национальной традиции.

В настоящее время наиболее характерным явлением религиозной жизни буддистов Бурятии является не столько деятельность официального духовенства, сколько религиозные представления и верования самого населения. Наблюдения показывают, что религиозная активность верующих имеет тенденцию к возрастанию.

Ключевые слова: буддизм, бытовые обряды, сангарил, семейный культ сахьюсанов, похоронный обряд, обоо

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Миры махаянского буддизма в контексте мировых цивилизационных процессов» (№ 21-18-00074).

Для цитирования: Жамсуева Д. С. Функциональное назначение некоторых обрядов бурят, посвященных всеобщему благополучию и лучшему перерождению // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 4. С. 721–731. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-721-731

Universal Well-Being and Favorable Rebirth: Revealing Functional Purposes of Some Buryat Rites

Darima S. Zhamsueva¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-7442-4744. E-mail.ru: darisan@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Zhamsueva D. S., 2022

Abstract. *Introduction.* Nowadays lay Buddhist rites pertaining to everyday life and dealing with community, group, family, individual and household causes are viable, needed, and productive enough. *Goals.* The study aims at revealing most stable household / family rites of the Buryats and determining their essentials and features. *Methods.* Traditional classification and systematization methods have proved instrumental in identifying stable and changeable properties, local features of family / household rites across various Buddhist ethnic groups in Buryatia. The method of comparative historical analysis serves to define the actual processes of preserving and transforming life cycle rites. Those of observation, interview, and interrogation make it possible to characterize the present-day religious consciousness of lay Buddhists and reveal certain changes in traditional Buryat attitudes and customs that emerged due to historical processes to have yielded some formal peculiarities of basic rituals and rites. The paper pays special attention to the revived everyday rite of *sangaril*. *Results.* Field data show that cult practices have preserved only what is best remembered without books and experts, i.e. what is familiar since olden times, most common, and requires no high theological qualifications — if there is a significant loss of the bookish tradition, and in the absence of Buddhist ritual experts of Tibetan origin. So, those are everyday rites most closely connected with folk customs and dealing with economic and household needs of believers that prove most persistent. In other words, what is most closely connected with everyday life does survive and exist. *Conclusions.* Traditional family and everyday rites, such as *oboo*, *sangaril*, *maani*, funeral and *Sagaalga*n-related ones (New Year), collective worshipping of *sahiusan*-protectors for family well-being, are currently perceived as folk customs and viewed as integral elements of the original Buryat ethnic tradition. To date, those are religious ideas and beliefs of the public that serve a most characteristic phenomenon in religious life of Buryatia's Buddhists, rather than activities of the official clergy. Our observations also attest to that religious efforts of believers tend to increase.

Keywords: Buddhism, household rites, *sangaril*, *sahiusan* family cult, funeral rites, oboo

Acknowledgments. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 21-18-00074 ‘Worlds of Mahayana Buddhism in Global Civilizational Contexts’.

For citation: Zhamsueva D. S. Universal Well-Being and Favorable Rebirth: Revealing Functional Purposes of Some Buryat Rites. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(4): 721–731 (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-721-731

Введение

Наблюдения над современной культовой формой массовой религии буддистов-бурят показали, что обрядовые стереотипы сохраняются лучше, чем само вероучение как система книжного, церковного богословия. Вместе с тем и система обрядов, отдельные элементы которой обладают не одинаковой степенью прочности, подвергается трансформации. Буддийские культы в Бурятии — сложная и разветвленная совокупность обрядов, впитавшая в себя многовековые религиозные обычаи не только бурятского и монгольского, но и других центрально- и южно-азиатских народов. Следует заметить, что не все главные составляющие обрядности и не сразу проникли в бытовую практику населения, равно как и в дацанский ритуал. В бурятском буддизме разработана обширная система внедацанской обрядности, практикуемая на общественном, групповом, семейном и индивидуальном уровнях. На основе религиозных культов индийского, тибетского происхождения, впитавших также традиции других народов Центральной Азии, которые носили синкретический характер, была сформирована обрядность, в которую были включены и местные обычаи вкуче с ассимилированными и переработанными шаманистскими и дошаманистскими верованиями. Иными словами, для укрепления буддизма в народном сознании религиозные деятели использовали многовековые установки и стереотипы бурятского населения, проявив при этом дифференцированное отношение к родовым культам. «Пантеон» шаманской семейной обрядности, культ *онгонов*, шаманских предков были полностью заменены буддийскими *сахьюсанами* — божествами-покровителями людей, в числе которых преобладают так называемые докшиты, гневные божества из добуддийских верований Индии и Тибета. Этот культ *сахьюсанов* получил многостороннее развитие и успешно вытеснил шаманских *онгонов* из бытовой обрядности, сохранив сам обычай почитания небесных покровителей семьи посредством домашнего и индивидуального молебствия. Одновременно было введено множество чисто буддийских обрядов, применявшихся в хозяйственных, медицинских и других целях наряду с заклинаниями, гаданиями и т. д.

Цель статьи — выявить наиболее устойчивые семейно-бытовые обряды бурят, определить их содержание и особенности. Материалом для исследования послужили полевые материалы автора, собранные в Хоринском, Кижингинском, Иволгинском, Еравнинском районах Бурятии и в г. Улан-Удэ.

Общая характеристика буддийских обрядов тибетского происхождения

В настоящее время наиболее распространенными религиозными практиками, наряду с общественными молебствиями на *обоо* — обрядом поклонения местным духам, хозяевам местности, являются ритуалы почитания родовых

сахьюсанов; семейные и групповые обряды *сангарил*; проведение чтения *маани* (однодневного и трехдневного). Неотъемлемыми элементами семейно-бытовых буддийских обрядов являются обряды жизненного цикла: ритуалы, связанные с рождением ребенка, дарованием имени, обряды защиты от неблагополучия в личной жизни, призывания жизненной силы; свадебный обряд; обряд вывешивания ритуальных флажков *хий-морин* ‘букв. воздушный конь’, похоронный обряд.

Бытовая традиция посещения мирянами дацана связана с потребностью удовлетворить насущные, актуальные на данный момент проблемы: получить предсвадебные предсказания (*абарал*), совершить молебны перед наступлением нового года по лунно-солнечному календарю для обеспечения благополучия в этом году, и для решения других индивидуальных треб. Наблюдается увеличение количества частных обращений верующих со своими просьбами в дацан. Например, определенный толчок в последние годы получили заказные молебны в дацан в честь сахьюсанов — божеств-хранителей благополучия семьи в целом и каждого ее члена в отдельности. Если раньше каждая семья проводила домашний молебен в честь своих семейных покровителей дома, то в наши дни миряне стали эти молебны заказывать в дацане, объясняя это тем, что так «удобнее и проще» в силу тех же бытовых проблем (к примеру, нет возможности пригласить домой лам, нет алтаря, нет возможности присутствовать всем членам семьи и т. д.).

К обрядам буддистов Бурятии относится ежегодный новогодний хурал жертвоприношения всему корпусу сахьюсанов — большим и малым докшитами — в период наступления нового года по лунному календарю (сагаалгана). Основное содержание встречи и проведения сагаалгана сводится к ритуальному угощению докшитов и мистериальной церемонии сожжения всех грехов и зла, препятствующих процветанию религии и благополучию верующих. В настоящее время из новогоднего дацанского хурала изъят обряд уничтожения линги (ритуальное умерщвление врагов религии), но в обряде *дугжуба* этот мотив сохранился в завуалированном виде. В целом весь обряд, посвященный встрече удачного, благополучного для семьи наступающего года, означает ритуальное уловление всей нечистой и враждебной силы с последующим сожжением магической стрелы — пирамиды за стенами монастыря. В настоящее время практически каждый дацан (если позволяет площадь или место соответствует пожарной безопасности) проводит этот обряд. Но следует отметить, что красочнее всего он проходит в Ринпоче-центре и в Иволгинском дацане, куда съезжаются ради коллективного участия воодушевленные новогодними надеждами миряне и прихожане.

Обряд *сангарил*

Изменения в бытовой обрядовой системе буддистов Бурятии произошли с обрядами *сангарил* и *маани*, являющимися специфическими формами групповых обрядов, когда верующие время от времени на дому проводят так называемые сангарилы. Слово *сангарил* (*mtshan hril* — с тибетского языка переводится как «всю ночь», «каждую ночь») в Бурятско-русском словаре объясняется следующим образом: «*Сангарил* — тибетское слово, означающее „всю

ночь“; группа людей в количестве 30, 40, 50 человек, собравшись у кого-нибудь, с вечера до утра читали *маани-сангарил*. Взяв за основу шесть слогов ключевого *тарни* божества Арьяа Балы „ум-ма-ни-падмэ-хум“, читают за благополучие живых существ шести миров, а также за лучшее будущее перерождение человека. Участники читают маани всю ночь, начав с захода солнца до его восхода, подобно тому, как в дацанах проводят молебны-хуралы [БРС, II 2008: 146].

Таким образом, этот обряд по правилам должен проводиться как ночное бдение с непрерывным чтением молитв от заката солнца до восхода. В настоящее время эта традиция утрачена. Религиозный смысл обряда в сознании современных верующих «вытеснился» интересами как самого коллектива, проводящего обряд, так и «заказывающего» обряд. Обряд по содержанию в наши дни заключается в замене сложных более простыми культовыми действиями, которые не требуют привлечения монахов-священнослужителей. В отличие от докшитского культа проведение обряда *сангарил* не требует специальных жертвоприношений, воскурения благовониями, сэржима — брызгания водой, молоком или чаем. Основная молитва обряда *сангарил* посвящается Зеленой Таре (*Ногоон Дара эхэ*) — для благополучия всех живых существ, Белой Таре (*Сагаан Дара эхэ*) — для долгой жизни, Цзонхаве — для достижения хорошей, богатой жизни без болезней, Шакьямуни — для хорошего перерождения умершего родственника, Авалокитешваре (бур. *Арьяа-Баала*) — для быстрого достижения нирваны.

Надо сказать, что обряды для обеспечения счастья, здоровья и благополучия рода, семьи в прошлом были достаточно распространены. Не утратил культовую практику *сангарил* и в настоящее время среди религиозных групп населения определенной родовой общности — Иволгинского, Хоринского, Кижингинского, Еравнинского районов и г. Улан-Удэ. Если религиозные обряды в быту сокращаются, переносятся на дацанский уровень, то именно обряды *сангарил* стали «популярными» среди мирян на бытовом уровне в последние три десятилетия. Этот коллективный обряд, устраиваемый зачастую после смерти человека, видоизменился не только по времени его проведения, но и по содержанию. Чтение молитв во время обряда *сангарил* проводится уже на бурятский манер, в течение обряда читают благопожелания (*юроол*), посвященные чисто буддийским божествам, и можно судить о некоторой трансформации тибетских канонов проведения обряда.

В процессе исследования нами не были выявлены значительные расхождения в характере религиозной практики респондентов, которые относят себя к разным группам бурятской общности. Так, в Хоринском районе, по данным информанта, бытовой обряд *сангарил* «возобновился в 1980-е гг. в селе Ашанга. В моей деревне Амгаланте начали читать позже, в начале 1990-х гг. Тетя моя с группой бабушек из 8 человек (иногда в большем, иногда и в меньшем количестве) читает с хоринскими бабушками *сангарил* исключительно в Хоринске. Читают *сангарил* только по усопшим. Читают *Этигэл*, *Ногон-Сагаан-Дара-эхэ*, *Арьяабалын зальбарал*, *Арбан зургаан бурханай зальбарал*, *Санжад монлам*, а также *юроолы*. В завершении всех *маани* читают Базарсада и Мэгзэм. Читают *сангарил* до обеда, по договоренности с теми людьми, кто

этот обряд заказывает, повторяют этот обряд после обеда (после погребения усопшего)» [ПМА: Ж. А. Р.]. Непосредственная участница этой процессии уверяет, что *сангарил* они читают в обязательном порядке с ламами, изредка самостоятельно. Очень редко (только в благоприятные дни *Дуйсэн удэр*) они читают во здравие [ПМА: Р. Д.-Х. О.].

Практика чтения молитв обряд *сангарил* у хоринских бурят, по мнению другого информанта, не прекращалась и в послевоенные годы. Так, по ее воспоминаниям, на похоронах ее дяди в 1974 г. *сангарил* в ее семье проводил лама с группой родственников, которые всю ночь читали молитвы, выдавая это действие за национальный обряд [ПМА: М. И. Л.].

Вместе с тем следует отметить, что в Кижингинском районе практика этого обряда также сохраняется. В большей степени обряд этот проводился группой родственников, состоявшей как из мужчин, так и из женщин, которые знали наизусть молитвы, но с обязательным приглашением ламы. «Легализовался» обряд *сангарил* в конце 1980-х гг., параллельно со строительством Кижингинского дацана. Возглавила одну из групп, состоявшую примерно из 50 человек, Б. С. Мункина, вторая группа была также многочисленной, примерно такого же состава.

В настоящее время в г. Улан-Удэ «действует» группа из 20 членов, куда входят женщины разной территориальной принадлежности (в большей степени прихожане Ринпоче-центра), которую возглавляет Н. С. Мункина. По ее данным, разрешение на прочтение молитв *сангарил* они получили у Ринпоче-бакши, но в отличие от других групп они читают молитвы *сангарил* не только по усопшим, но и во здравие. Основные тексты читают на бурятский манер, но *юроолы*, как уверяет наш информант, читают на тибетском [ПМА: М. Н. С.]. Организовалась эта группа в начале 2000-х гг. Кроме того, эту группу может пригласить любой житель города для исполнения обряда.

Наблюдение над обрядностью *сангарил* среди еравнинских бурят выявило, что особых значительных расхождений нет, читают тексты из того же списка, что в Хоринском, Кижингинском районах, но в состав людей, проводящих обряд, в обязательном порядке входят ламы и представители старшего поколения. На *сангарил* приходят почтить память усопшего родственники, друзья, соседи, т. е. те, которые были хорошо с ним знакомы. Мотивацией в участии обряде *сангарил* служит также накопление хорошей кармы (бур. *буян*), кроме того, участники считают, что чтение / присутствие на *сангарил* способствует тому, чтобы осветить дорогу покойнику и чтобы она открылась для перерождения ушедшего человека в новом теле (или в новом рождении).

Этнограф С. Г. Жамбалова в статье «Народный буддизм и сангарил у бурят» пишет, что «сангарил — инновационная религиозная практика народного буддизма, возникла в целях сохранения буддизма в СССР и активизировалась в России» [Жамбалова 2014: 116], что не соответствует нашим полевым данным. По нашему мнению, инновационная практика — это специальная работа по разработке новых систем, процессов, проектов, программ, характеризующих их направленность на развитие и включающих реально осуществляемые нововведения. Нововведений в бытовой обряд мы здесь не видим. В пользу нашего мнения приведем данные известного этнографа Т. М. Ми-

хайлова, отмечавшего, что «изменился характер сознания верующих. Как и у ламаистов и шаманистов, так и у православных и старообрядцев традиционное мировоззрение претерпело дальнейшую деформацию, произошло общее угасание в сознании верующих основных религиозных представлений. Характерными в жизни верующих стали отступление от предписаний религий, снижение религиозной мотивации в действиях и поступках, сужение сферы религиозного сознания и поведения» [Очерки истории и культуры 1974: 544]. Однако он подчеркивал, что даже в годы войны проводились «различные обо тахилга, маани, сангарил, тайлган, хэрэг и другие ламаистские и шаманские обряды во многих бурятских улусах. Очень часто они выдаются верующими людьми за национальные обряды и традиции. Формально лишь дацанские хуралы, устраиваемые в году шесть раз, сохранили свою регулярность и продолжают привлекать внимание определенной части верующих» [Очерки истории и культуры 1974: 544].

Действительно, в период 60–70-х гг. прошлого столетия произошли определенные изменения в традиционных воззрениях и обычаях бурят под влиянием тех исторических процессов, которые, как считалось, способствовали формированию нового социалистического образа жизни советского народа. В целом, конечно, имели место и глубокий кризис религии, и распад традиционного комплекса религиозных обычаев, в котором культовая практика соответствовала религиозным представлениям и ценностным установкам, отражавшим социальное бытие верующих бурят в прошлом. В данном случае мы полагаем, что большая часть мирян, будучи глубоко не посвященными в сложную систему буддийского вероучения и религиозное содержание обрядов, не обладали в полной мере знаниями о тонкостях обрядовой практики, что привело к снижению интереса к предметам культа, его атрибутике, характеру проведения и т. д. Вместе с тем атеистическое мировоззрение не возникает автоматически в условиях без религиозного бытия.

С. Г. Жамбалова полагает, что «на общем фоне всех буддистов особый пласт составляют практикующие буддисты, в современном бурятском сельском социуме это простые люди, в основном женщины, читающие молитвы индивидуально у себя дома и коллективно в определенные дни (8, 15, 30 дни лунного календаря), а также по приглашению в домах односельчан на семейных обрядах, обычно погребальных. Их, без сомнения, нужно отнести к категории глубоко верующих людей, активно пропагандирующих наиболее распространенные постулаты буддизма: символы „трех драгоценностей“, почитание ламы, правила поведения в дацане и т. д. Они активно помогают в экономической и хозяйственной подготовке больших буддийских хуралов, принимают необходимое участие в богослужениях. Именно эта категория людей наряду с буддийским духовенством способствует дальнейшему возрождению буддизма в Бурятии» [Жамбалова 2014: 120]. Действительно, это глубоко верующие люди, но наши наблюдения никак не подтверждают положение о том, что они активно пропагандируют постулаты буддизма в общественной жизни. Устоявшиеся группы «сангрильщикова» настолько малочисленны, что они успевают только проводить обряд, в большей степени заупокойный, в других хозяйственных делах они не участвуют, тем более в богослужениях. Они, как

все миряне, присутствуют на богослужении, вторя ламам при чтении молитв. На наш взгляд, также небесспорным является заявление о том, что «женщины, участвующие в обряде *сангарил*, без сомнения, являются фундаментом, на котором базируется народный буддизм в Бурятии» [Жамбалова 2014: 123]: наши материалы это положение не подтверждают, буддийские обряды, проводимые вне монашеской общины женщинами, представляют собой упрощенный вид отправления ритуала *сангарил*.

Калмыцкий исследователь Ч. А. Санджиев в статье «О понятии народный буддизм», рассматривая классификацию буддизма в трудах отечественных исследователей, посвященных традициям дальневосточного буддизма и в работах зарубежных буддологов, исследовавших данную тему с позиции изучения традиций южного и юго-восточного буддизма, на наш взгляд, правильно определяет, что в современной буддологической науке в целом нет единого мнения по поводу определения понятия «народный» или «популярный буддизм», равно как нет единой методики исследования данной темы [Санджиев 2011: 117].

Среди агинских (забайкальских) бурят слово *сангарил* вообще не употребляется при проведении обряда. Такой обряд, по словам еще одного информанта, на их территории вообще не проводится. *Сангарил* замещается, как она поясняет, «классическим» обрядом маани — однодневным или трехдневным [ПМА: Б. Л. Ц.].

Обряд маани

Проведение *маани* в отличие от обряда *сангарил* обязательно совершается с приглашением ламы, молитвы произносятся на тибетском языке. Суть этой традиции заключается в практике проведения трехдневных медитативных затворничеств верующих под руководством лам, чтения молитв, обращенных к Авалокитешваре — божеству милосердия и спасения, заменившего ушедшего в нирвану Будду Шакьямуни, спасителю верующих для прихода пятого Будды Майдари. Считается, что обряд проходит под мистическим руководством этого божества. Обряд трехдневного *маани* достаточно подробно и обстоятельно описан К. М. Герасимовой на страницах монографии «Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы» [Ламаизм 1983: 207–210].

Сравнивая научное описание этого обряда К. М. Герасимовой с теми наблюдениями над бытовым обрядом *маани*, которые сделаны нами, мы пришли к выводу о том, что, действительно, в этом сложном комплексном обряде содержатся различные церемониальные аспекты: и мистерия / религиозная мистическая практика просветления Будды Шакьямуни, и молебствие докшиту Махакала, и поклонение, кормление разных местных божеств, мелких духов. Также и чтение заклинаний *тарни*, и тантрийское созерцание, и призывание божества с употреблением мандала. Участвуя в таком обряде, верующий как бы приобщается действительно ко всему комплексу буддийского учения: Будде, Дхарме, Сангхе. И нельзя не согласиться с тем, что «... этот обряд — синтез буддийских и небуддийских верований в едином культовом комплексе полифункционального заупокойного обряда» [Ламаизм 1983: 208].

Обряд этот совершается в домашней обстановке. Согласно описанию К. М. Герасимовой, для моления *маани* специально подготавливается помеще-

ние: из дома выносятся все бытовые вещи, остаются только божница и необходимые ритуальные предметы и т. п., — что не совпадает с тем, что происходит в наши дни.

В обряде, на котором мы присутствовали, никакие вещи не выносились, для удобства вынесли только компьютер; за неимением алтаря у хозяев лама сам принес изображение Авалокитешвары, мандалу Авалокитешвары, комплекты медных чашечек и другие необходимые ритуальные предметы.

В первый день традиционно совершается обряд моления главному докшиту Махакале — гневной тантрийской форме Авалокитешвары, а затем совершаются воскурение благовониями, кропление водкой, молоком, чаем, жертвоприношения мелким божествам, духам добуддийского происхождения, принятым в буддийский пантеон в качестве сопровождающих божеств высшей категории.

На второй день начинается собственно чтение буддийских священных сутр. С рассвета до 9 часов лама читает молитвы Арья-Баала, затем приступает к приготовлению *аршана* («освященной воды»). Этим аршаном льют на толи, в котором отражается изображение Авалокитешвары. Аршан стекает в специальную посудину. Эта вода, стекающая по отражению божества в толи, считается освященной, ее подносят присутствующим, чтобы тут же ее употребить. Лама объясняет, что этот аршан помогает исцелению, спасению и прочей благодати. После этого действия лама просит, чтобы каждый присутствующий около часа беззвучно читал тарни Авалокитешвары. Кто не знает текст, производят про себя «Ом мани пад ме хум».

На третий день повторяется весь ритуал второго дня. Лама предупреждает участников о начале важной части обряда, при которой им запрещено есть, пить и разговаривать между собой. К сожалению, некоторые не выдерживают в полной мере такой пост (наблюдаются случаи перекусывания и разговора между собой шепотом). С наступлением темноты лама дает команду кипятить молоко, непременно при этом читать: «Ом мани пад ме хум». По знаку ламы в определенное время молоко ставится на алтарь, ламе подают *зула* (лампаду), *хужэ* (благовонную курительную палочку), *хадак* (сложенное вдвое шелковое полотно), затем подается молоко ламе и этим завершается ритуал *маани*. После этих действий строгий запрет заканчивается, возобновляется привычное течение действия, совершается обряд почитания божества-хранителя хозяина дома.

Если сравнить описание обрядности трехдневного *маани* у К. М. Герасимовой и обряд, наблюдавшийся нами, то можно сделать вывод: они значительно разнятся по своей сути. В описании, данном К. М. Герасимовой, отмечается: «основная особенность трехдневного *маани* заключается в том, что в его ритуале значительную роль играют идейные мотивы вероучения. Его каноническая мотивация определяется целями достижения просветленности будды, буддийского спасения из кругооборота сансары средствами парамитаяны и махаяны. Рядовые верующие приобщаются к таинству посвящения в тантрийский культ Авалокитешвары (Арьябало) и медитации для обретения магической силы мудрости этого божества с целью обеспечения если не полного выхода из сансары, то получения „лучшего перерождения“ в сансаре, или, идеально, в раю

Деважин» [Ламаизм 1983: 211]. Трехдневный обряд *маани* мирян на современном этапе направлен на удовлетворение личных потребностей, он проводится для спасения больного человека, когда все родственники — участники *маани* желают скорейшего выздоровления и здоровья ему, испытывая по-своему возвышенные чувства, искренне полагая, что он избавится от страданий.

Заключение

В статье проанализированы данные полевых исследований 2021–2022 гг. Основной их целью было ознакомление с бытовым обрядом *сангарил* в различных этнических зонах Бурятии, хотя в ходе работы выявился круг как бытующих, так и наиболее популярных, устойчивых семейно-бытовых обрядов бурят, что имеет существенное значение для изучения современных религиозных обычаев. Полевые исследования показали, что в общих чертах такие традиционные семейно-бытовые обряды, как жертвоприношения на *обоо*, *сангарил*, *маани*, встреча и проведение новогоднего праздника *сагаалган*, отправление сводных богослужений в честь *сахьюсанов*-покровителей для семейного благополучия, а также похоронно-погребальные ритуалы воспринимаются сейчас как народные обычаи и расцениваются как органический признак исконно бурятской национальной традиции. В настоящее время наиболее характерным явлением религиозной жизни буддистов Бурятии является не столько деятельность официального духовенства, сколько религиозные представления и верования самого населения. Наблюдения показывают, что религиозная активность верующих имеет тенденцию к возрастанию. Строительство новых зданий дацанов в этнической Бурятии ведется с достаточным размахом, растет количество посещающих богослужения в дацанах, в районах восстанавливаются культовые места, на дому совершаются индивидуальные обряды и коллективные моления, и основную роль в этих явлениях играет само верующее население, инициатива отдельных «активистов» из мирян, что ставит определенные теоретические задачи в дальнейшей исследовательской работе.

Полевые материалы автора, 2021–2022 гг.

Б., Л. Ц., 1962 г. р.
 Ж. А. Р., 1946 г. р.
 М. И. Л., 1950 г. р.
 М. Н. С., 1938 г. р.
 Р. Д.-Х. О., 1944 г. р.

Author's Field Data

Informant 1: L. Ts. B., b. 1962. (In Bur. and Russ.)
 Informant 2: A. R. Zh., b. 1946. (In Bur. and Russ.)
 Informant 3: I. L. M., b. 1950. (In Bur. and Russ.)
 Informant 4: N. S. M., b. 1938. (In Bur. and Russ.)
 Informant 5: D.-Kh. O. R., b. 1944. (In Bur. and Russ.)

Литература

БРС, II 2008 — Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. В 2-х т. Т. 2. А–Н. Улан-Удэ: Рес. типография, 2008. 708 с.

- Жамбалова 2014 — *Жамбалова С. Г.* Народный буддизм и сангарил у бурят // Гумани-
тарный вектор. Культурология. 2014. № 2 (38). С. 116–124.
- Ламаизм 1983 — Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная
роль культовой системы. Новосибирск: Наука, 1983. 232 с.
- Очерки истории и культуры 1974 — Очерки истории и культуры Бурятии. Т. 2. Улан-
Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 647 с.
- Санджиев 2011 — *Санджиев Ч.А.* О понятии «народный буддизм» // Научная мысль
Кавказа. 2011. № 1. Ч. 2. С. 115–117.

References

- Galdanova G. R., Gerasimova K. M., Dashiyeв D. B., Mitupov G. T. Lamaism in Buryatia
in the XVIII – Beginning of the XX Centuries. The Structure and the Social Role of Re-
ligious System. Novosibirsk: Nauka, 1983. 232 p. (In Russ.)
- Sandzhiev Ch. A. About concept ‘the folk Buddhism’. *Scientific Thought of Caucasus*. 2011.
No. 1. Part 2. Pp. 115–117. (In Russ.)
- Sanzhiev G. L. (ed.) Sketches on the History of Culture of Buryatia. Vol. 2. Ulan-Ude: Bury-
atia Book Publ., 1974. 647 p. (In Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2: О–Я.
Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2008. 708 p. (In Bur. and Russ.)
- Zhambalova S. G. Popular Buddhism and *sangaril* ritual of Buryats. *Humanitarian Vector*.
2014. No. 2 (38). Pp. 116–124. (In Russ.)